

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ШКОЛА (КЛИМЕНТ И ОРИГЕН) В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ ПАТРОЛОГОВ

Иерей
Александр БОЛОННИКОВ

Минская Духовная Семинария—1995, Ecumenical Institute (Bossey, Switzerland)—1998, Московская Духовная Академия—1999, Аспирантура МДА при ОВЦС—2001, кандидат богословия.

Несложно заметить, насколько возрос в настоящее время интерес, как богословов, так и простых людей, искренно ищущих Истину, к святоотеческому наследию. Издаются и быстро расходятся тиражи творений апологетов, отцов и учителей Древней Церкви. Однако не так часто можно увидеть издания исследований богословов-патрологов, потрудившихся над тем, чтобы святые отцы и учителя в своих творениях стали ближе и понятнее нам, а значит, принесли бы нам максимум спасающей пользы.

А между тем, русская патрологическая наука, несмотря на свою молодость и трагичность истории, имеет великий сонм выдающихся ученых мужей, каждый из которых «по-своему, индивидуально служил потребностям русской богословской науки, преодолевал трудности и обогащал науку»¹.

Результатом этой самоотверженной работы на ниве исследования святоотеческого наследия явилось то, что уже «к 1917 году русская патрологическая наука менее чем за столетие проделала тот путь, на который у западных патрологов ушло почти три века»². И среди всех патрологических исследований особое место занимают труды, посвященные Александрийской богословской школе и ее виднейшим представителям—Клименту Александрийскому и Оригену.

ПЕРВЫЕ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПАТРОЛОГИИ

Уже в самом начале своего существования, когда патристика была в 1839 г. выделена в самостоятельную науку и под названием «Историко-богословское учение об отцах Церкви» введена в систему предметов духовных семинарий, перед ней была поставлена цель, сформу-

131

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ШКОЛА (КЛИМЕНТ И ОРИГЕН)
В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ ПАТРОЛОГОВ

ТРУДЫ №1

Минской Духовной Академии

лированная ее «отцом», великим богословом своего времени архиепископом Черниговским Филаретом (Гумилевским) (1805-1866). Он писал: «Говорят: главная задача Патристики исследовать и раскрыть 1) жизнь каждого отца, 2) его сочинения и 3) его учение догматическое. Но поставлять догматическое учение отцов такую же отдельную часть, каково исследование сочинений или жизни, значит не понимать своего предмета. Отцы Церкви столько же заботились для Церкви о чистоте веры, сколько и о благочестии... Потому та Патристика, которая обращает исключительное внимание на догматическое учение отцов, теряя из вида и толкования Писания и наставления в благочестии, извращает собой понятие об отцах Церкви, выставляя их не в их точном виде»³.

Такое определение цели патрологической науки, по мнению профессора К.Е.-Скурата, было сформулировано архиепископом Филаретом «вопреки появившейся сразу же тенденции уделять в учении святых отцов основное внимание догме и этим самым ограничивать широту их богословия»⁴.

Именно поэтому в его «Историческое учение об Отцах Церкви», первый систематический труд русской патрологии, вошли имена не только «иже во святых отец наших», но и тех выдающихся дидаскалов, кому в свое время было усвоено наименование «учителей Церкви», которое «большой частью употребляется в отношении к наиболее выдающимся из церковных писателей, которые не удостоены Церковью почетного звания «отцов Церкви», но известны своими высокими качествами, исключительной образованностью, подвижнической жизнью и пользуются уважением Церкви, например, Климент Александрийский, Ориген»⁵.

При этом необходимо заметить и ту осторожность, с которой подходит архиепископ Филарет к этим двум личностям. Он помещает свои исследования о

Клименте и Оригене не в одном хронологическом ряду первого тома «Исторического учения об Отцах Церкви», а выносит их в приложение, лишь упоминая их имена в параграфе, посвященном Александрийскому училищу.

За это он и терпит критику К. Попова: «Если Филарет находил возможным укорить Перманедера за то, что он не потрудился с «точностью определить существенные черты отцов церкви», то мы можем заметить, что сам укоряющий не взял на себя труда с точностью определить существенные черты церковных писателей и значение их творений: тогда бы он не ограничился помещением в своем историческом учении только некоторых учителей; тогда бы он и избранных не выбросил, так сказать, за борт науки, поместив их в приложение. Уж если по отношению к Тертуллиану, Клименту и Оригену оказано снисхождение, то по отношению к Оригену можно бы сделать даже исключение, поместив его в ряды Отцов Церкви: ведь прилежным изучением его сочинений не пренебрегали и такие знаменитые Отцы Церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и другие»⁶.

Но вряд ли можно назвать справедливыми слова К. Попова о том, что Климент и Ориген оказались «за бортом науки». Несмотря ни на что, исследования русского первопатролога владыки Филарета являются глубоко научными. Обзорно рассмотрев жизнь Климента по оригинальным источникам (истории Евсевия, Епифания, Фотия, автобиографические моменты в сочинениях самого Климента), он обращается к сочинениям этого дидакала. При этом указываются и лучшие их издания на латинском языке⁷.

На основании своих исследований этих сочинений святитель Филарет дает следующую оценку их автору: «Если бы не говорили древние об обширной учености Климента, то самые сочинения Климента показывают, что Климент имел

необыкновенно обширные сведения и дарования; при сердечной любви ко Христу и уважении к христианству глубоко проникал он в дух христианства и в потребности времени. Особенно обширны были сведения его в греческой философии, религии и литературе»⁸.

Благодаря этим знаниям, Клименту удалось, как никому другому, примирить языческий интеллект с христианством. Об этом архиепископ Филарет говорил еще в параграфе об Александрийском училище: Климент одобрял «слушателям своим философию как руководство к вере»⁹. Он взял на себя колоссальный труд создать последовательное введение в христианство на основании древней философии. Климент, таким образом, открыл собой плеяду знаменитых богословов александрийской школы, которым принадлежит величайшая заслуга основания христианской науки на базе эллинской философии.

«Самым знаменитым учеником Климента был Ориген; по уму и учености знаменитейший учитель церкви»¹⁰, — продолжает свое исследование Александрийской богословской школы архиепископ Филарет. При этом нетрудно заметить, что раздел, посвященный исследованию наследия этого «мужа великого от юности и истинного сына мученика»¹¹ гораздо обширнее предыдущего параграфа, отведенного учителю самого Оригена. И это не удивительно, ведь он, по мысли К. Комарова, «в своем гениальном богоумозрении... заложил краеугольный камень всего христианского богословия. Его деятельность образует эпоху в истории церковной литературы»¹².

В этом исследовании важная заслуга посвященного патролога состоит в том, что он первым из русских ученых показал историческую правду и доступно объяснил, что осуждение оригенизма и оригениан произошло не на Вселенском Соборе, а на частном 543 года. И самое главное, что причиной этого послужил не Ориген и даже не его учение, так как

«мысли, осуждаемые собором, наполовину не те, какие встречаются в сочинениях Оригена, или же не того вида, в каком встречаются у Оригена»¹³, а то, «что безрассудные читатели Оригена, вместе с тем, как включили предположения Оригена в число догматов веры, — присовокупили к его ошибкам свои собственные кровавые разделения в Церкви»¹⁴.

Рассматривая значение Оригена в истории Церкви, архиепископ Филарет придерживается той же системы, что и по отношению к другим отцам и учителям: на основании его жизни, он заключает, что «не скоро можно найти человека, который бы с такими блистательными дарованиями соединял такое неутомимое трудолюбие для Церкви. Его твердость духа в опасностях, его терпение в скорбях, его кротость перед оскорблявшими его, его строгость к себе самому равнялась его ревности к делу истины Христовой»¹⁵.

Видимо, такая строгость к себе, аскетизм, направленный на очищение внутреннего человека от плотских страстей, притупляющих ум, и умножили дары, полученные им от Бога, благодаря чему Ориген и стал «писателем плодовитым в высшей степени»¹⁶. В подтверждение этого владыка Филарет приводит свидетельства древних историков (Иеронима, Епифания и др.).

В дальнейшем, более детальном рассмотрении сочинений выдающегося дидакала Александрийской школы, святитель обращает внимание на то, что именно Ориген «оставил для нас наиболее удовлетворительные сведения о каноне Священного Писания»¹⁷.

Указывая на свидетельство Епифания о том, что Оригеном «написаны объяснения на все Священное Писание, за исключением Апокалипсиса»¹⁸, архиепископ Филарет, в то же время, дает высокую оценку сформулированным им принципам толкования и говорит о его погрешностях: «... Ориген первый сооб-

ражал, уяснял, и приводил в определенный вид начала толкования... Надобно сожалеть о том только, что он увлекся влиянием Александрийско-иудейской, Филоновой герменевтики»¹⁹.

Из его богословских сочинений Преосвященный Филарет в особенности выделяет труд «Против Цельса» — «бесмертный плод удивительного Оригена»²⁰. И особенно удивительно, что этот труд написан на 64-м году жизни автора.

Значение Оригена, как догматиста-систематика, неоспоримо; ему первому принадлежит учение о вечном, постоянном рождении Сына от Отца. Что же касается догматических ошибок в учении Оригена, то и к ним необходимо относиться спокойно, помня, что автор их — человек и, кроме того, человек, который сам никогда их не догматизировал. Так архиепископ Филарет констатирует историческую и богословскую ценность наследия великого Оригена Адамантового.

Подводя итог трудам архиепископа Филарета, вполне уместно будет привести слова нашего историка П. Знаменского, который говорит, что этот иерарх Церкви Русской относится к числу «самых многоплодных наших духовных писателей»²¹, о чем красноречиво свидетельствует колоссальный патрологический труд «Историческое учение об отцах Церкви», даже не учитывая других 155 сочинений²² Преосвященного богослова.

Другой монографией, изданной во второй половине прошлого столетия, является труд профессора Киевской Духовной Академии К. Скворцова «Философия отцов и учителей Церкви». Двумя годами раньше глава этого сочинения, посвященная Клименту, была опубликована в журнале «Труды Киевской Духовной Академии» под заглавием «Философия Климента Александрийского»²³. Здесь перед нами предстает этот учитель, как «самый ревностный искатель истины»²⁴.

Сравнивая Климента с более ранними христианскими богословами, Скворцов заключает: «Ни один из предшествовавших апологетов христианства не изучал с такой любовью отношения веры к знанию, порядка сверхъестественного к естественному, как Климент Александрийский»²⁵. А потому «философия, по его мнению, должна быть госпожею наук и вместе с тем служительницей богословия»²⁶.

Что же касается до духовно-нравственного учения Климента, то его «нравственные правила часто являются очень строгими, особенно когда он прилагает их к гностику, в котором видит идеал истинного христианина»²⁷.

Оценка Скворцовым второго Александрийского дидакала созвучна с оценками его коллег. Отдел своего труда, посвященный ученику Климента начинается так: «Самое важное место между писателями периода апологетов бесспорно занимает Ориген, первый систематический богослов, имевший влияние на все отрасли христианской литературы»²⁸.

Говоря об известных заблуждениях Оригена, профессор КДА пишет, что его «нельзя оправдать совершенно; но можно всегда доказать, что его заблуждения не касались догматов, ясно определенных тогдашним символом Церкви»²⁹, почему вместе с современниками-богословами он «находит ...невероятным, чтобы Ориген был осужден за свое учение на римском соборе»³⁰.

Профессор К. Скворцов довольно успешно раскрывает значение Климента и Оригена как философов («гностиков») благодаря тому, что каждый свой вывод он сопровождает довольно пространными выдержками из их творений, цитируя источники в оригинале.

Таким образом, начало русской патрологической науке было положено. Развиваться же ей пришлось «при постоянном почти скептическом отношении

к ее состоятельности как научной системы, к ее задаче, методу и практической необходимости»³¹. Но, несмотря на это, многие богословы взялись за этот труд.

Согласно указу Святейшего Синода, все Духовные Академии приняли участие в составлении программ и разработке методики преподавания курса Патрологии, что было выполнено с разным успехом, как свидетельствует о том Московский Митрополит, святитель Филарет, которому и были представлены на рецензию три конспекта от Санкт-Петербургской, Киевской и Московской Духовных Академий.

Конспект СПбДА, согласно его оценке, даже не говорит о том, «будет ли предлагаемый курс иметь надлежащий состав и полноту»³². Другой конспект от КДА «краток»³³ и имеет множество недочетов. И только конспект МДА, который был составлен Филаретом (Гумилевским) он называет не только планом, но как бы и моделью будущей книги³⁴.

Одной из таких книг явился «Конспект лекций по Патрологии» профессора МДА И. В. Попова (1867-1938). Придерживаясь традиционной системы, автор, после краткой биографической заметки о Клименте, более подробно останавливается на его трудах и богословии. При этом профессор И. Попов первое место в сочинениях александрийского учителя уделяет «Протрептику», «Педагогу» и «Строматам», особенность которых он видит «в том, что Климент говорит в них не от своего лица, а от Лица Логоса»³⁵.

Тщательно исследовав учение Климента, ученый патролог приводит цитаты из его творений на латинском и греческом языках и замечает, что Клименту не удалось избежать влияния «философии Филлона»³⁶, с одной стороны, а с другой, у него встречается «стоическая идея имманентности миру Логоса»³⁷.

«В учении о Личности Христа, — замечает проф. И. Попов, — Климент не чужд тонкого докетизма»³⁸, т.к. утверждал чуждость Христа всем человеческим страстям — удовольствиям, печали, волнению и что тело Его не нуждалось в принятии пищи.

Указывается здесь и на другие погрешности в учении Климента: «историю падения прародителей он истолковывал аллегорически и «полагал грех Адама и Евы в преждевременном удовлетворении ими полового инстинкта»³⁹, отрицал «вечность мучений грешников»⁴⁰.

Как и у архиепископа Филарета, в «Лекциях» проф. И. Попова значительное место уделено личности великого Оригена. Оценивая его способности, профессор говорит, что «Церковь часто нуждалась в его учености и красноречии в борьбе с еретиками»⁴¹, а в своем тринитарном богословии он ближе других стоит к никейскому учению.

В общем же, Ориген поднялся очень высоко над богословским уровнем своих современников. Значительным недостатком учения Оригена о Святой Троице профессор И. В. Попов называет субординационизм, явившийся следствием влияния Плотина.

При всем этом, профессору И. В. Попову не удалось избежать той крайности, о которой предостерегал архиепископ Филарет (Гумилевский) — он «первостепенное значение придавал в своем труде догматическим воззрениям церковных писателей»⁴², в то время, как у Климента и Оригена не малое место занимает нравственно-педагогическое и аскетическое учение.

Впрочем, это издание предназначалось «исключительно для студентов Московской Духовной Академии и, как конспект, конечно, не может претендовать на исчерпывающую полноту содержания»⁴³, — писал священник Михаил Орлов. Но «для учебных целей весьма полезен»⁴⁴.

Талантливейшим ученым-патрологом, оставившим не слишком большие по объему, но глубинные по научному содержанию труды, был профессор Киевской Духовной Академии С. А. Епифанович. «Его рукописный курс patroлогии подтверждает необычный Божий дар у почившего в Бозе молодого профессора, с рвением первохристианских «дидаскалов» исполнившего свое церковное служение на земле»⁴⁵.

Возможно, такое «рвение первохристианских дидаскалов» было воспитано в нем теми глубокими знаниями, которые стяжал профессор в исследованиях виднейших из них — Климента и Оригена, о которых он писал в своем рукописном курсе по patroлогии: «Александрийцам принадлежит величайшая заслуга основания христианской науки»⁴⁶. И если в рукописи Клименту уделено не слишком много места, всего лишь несколько листов, то в машинописном издании его лекций под редакцией Н. Муравьева⁴⁷ мы находим более 50 страниц, посвященных биографии, литературной деятельности и богословию Климента.

Профессор С. А. Епифанович говорит довольно основательно и «о начале Александрийской школы»⁴⁸ вообще, чего не было у профессора И. В. Попова.

Глубоко изучив сочинения Климента, он называет его «Протрептик», «Педагог» и «Строматы» «великой трилогией», в которой начертан «ход духовно-нравственного развития язычника, обратившегося ко Христу и проходящего ступени, возвышающие его к христианскому ведению»⁴⁹. В этом и видел молодой патролог главнейшую заслугу Климента, т. к. он «первый из александрийцев старался установить связь между философией и христианством, указать пути, ведущие от первой ко второму»⁵⁰. А это значит, что он для многих своих современников и последующих поколений указал дорогу в Царство Божие. Отсюда и удивление профессора относительно того, почему имени Климента мы не

встречаем в восточных месяцесловах, хотя уже «Александр Иерусалимский и другие называют его «священным»⁵¹.

Как и у большинства других patroлогов, наследие Оригена занимает наибольшую часть труда проф. Епифановича. И единственным объяснением этого является то, что «Ориген — самый плодотворный церковный писатель доникейской эпохи»⁵². Это его «творческий гений» создал систему христианского гносиса. А «вся история церковной письменности во второй половине III века представляет собой историю распространения влияния Оригена»⁵³. Его система «была верхом совершенства. Она давала цельное христианское мировоззрение и могла соперничать с любой философской или гностической системой»⁵⁴.

Высоко оценивая труды Оригена, проф. Епифанович с большой тактичностью и даже кротостью указывал на его ошибки, которые свойственны всякому вообще человеку, а тем более первооткрывателю.

Весь труд Сергея Леонтьевича обильно пестрит цитатами и указанием первоисточников. Нередко он обращается и к авторитету великих святителей, «возросших на Оригене»⁵⁵, чтобы более убедительно возвысить свой голос против антиоригенистов. Исследованием богословского наследия Оригена и заканчивается этот patroлогический труд плодотворного ученого.

Обращая внимание именно на такое завершение, священник Михаил Орлов писал: «Заканчивая свои лекции изложением и анализом учения Оригена, автор, тем самым, как бы подводит итог развитию христианской мысли за три века»⁵⁶.

Продолжая рассматривать систематические курсы Патрологии, приходится с сожалением констатировать недоступность «Лекций» по этому предмету талантливейшего ученого Петербургской Акаде-

мии Н. И. Сагарды, который «отличается тонким пониманием основных тенденций в развитии церковной письменности и богословия», и «талант которого «как патролога наиболее полно раскрывается в его «Лекциях по патрологии»⁵⁷, как свидетельствуют об этом богословы-патрологи, работавшие с рукописью этого труда.

Значительный интерес представляет собой труд скорее богослова и философа, чем ученого-патролога, разделившего судьбу многих русских «умов», эмигрировавших за пределы Родины, Льва Платоновича Карсавина «Святые отцы и учителя Церкви». И этот интерес состоит в том, что он как философ ставит перед собой задачу, созвучную тем целям, к которым стремились древние христианские философы Климент и Ориген.

Во введении к своей книге А. П. Карсавин пишет: «Вера—не только теоретическое убеждение и не только волевое усилие. В первом случае она не могла бы никем рассматриваться как заслуга; во втором—не существовало бы «суеверия». Вера сразу является теоретическим постижением истины и свободным практическим ее приятием»⁵⁸.

И уже говоря о Клименте, он дает ему такую характеристику: «Он «дышал лишь Евангельским воздухом», но не хотел видеть никакого противоречия между истинной философией и христианской верой, стремясь примирить их в христианском гносисе и собирая истинно везде, где его усматривал. Для Климента существовала лишь одна единая Истина, вместе и теоретическая и практическая»⁵⁹.

Но в то же время, критикуя богословие Климента, Карсавин определяет, что он «стоит на полпути между Филоном и христианством... Богословие Климента, ...должно... вести к отрицанию его этики... Если этого не случилось, так потому, что Климент все же больше христи-

анин, чем философ, и потому, что исходил он не из теории, а из жизни»⁶⁰.

Не менее справедливую оценку наследия Оригена находим в следующем разделе этой книги: «В истории богословия значение Оригена совершенно исключительно. Он положил начало его методам, коснулся основных его проблем, во многом дал верные решения, или—даже своими ошибками—наметил пути будущих решений»⁶¹.

Кроме объективности оценки трудов исследуемых учителей Церкви, ценность этой работы состоит в том, что ее автор использовал оригинальные тексты и многочисленную критическую литературу. А так как писал он свое сочинение прежде всего для соотечественников, то в конце каждого раздела помещены названия лучших (по мнению автора) работ данной тематики на русском языке.

Теперь остается перейти к рассмотрению более простого, но в тоже время системного труда по патрологии, составленного русским богословом «в рассеянии» протоиереем Иоанном Мейендорфом.

Уже из самого названия—«Введение в святоотеческое богословие»—видно, что эта работа имеет своей целью лишь знакомство читателей с наследием отцов и учителей Церкви. Об этом говорит и сам автор: «Предложенный курс не претендует на всеобъемлющий научный охват относящегося к предмету материала»⁶².

Однако же, этот труд является наглядным свидетельством таланта автора, т.к. в кратких обзорных параграфах достаточно точно дана характеристика рассматриваемым отцам и учителям. Это распространяется и на разделы, посвященные Клименту и Оригену. Причем, все это изложено очень красивым языком.

Приводя к каждому своему выводу цитату из сочинений этих дидаскалов, док-

тор богословия заключает о Клименте, что он в своем учении о гносисе нарушает равновесие: «Из его писаний создается впечатление, что богопознание в истинном смысле доступно только немногим образованным и интеллигентным людям, что одним лишь им дано постичь мистические вершины общения с Богом»⁶³.

Но наиболее «интересной частью наследия Климента является его нравственное учение, адресованное мирянам» (в то время, как традиционно «церковные писатели предпочитали писать на морально-аскетические темы, адресуясь в первую очередь к монахам»⁶⁴).

Оригинальную оценку дает отец Иоанн и деятельности Оригена. Он говорит, что именно такую направленность своей жизни великий александрийский дидакал избрал, «понимая, что Церковь, утрачивающая контакт с людьми, спасение которых есть миссия, отказывается от своей кафоличности, превращается в секту»⁶⁵.

Именно благодаря такому сознанию, Ориген, будучи «ревностным и строго православным христианского...», постепенно сделался кем-то вроде христианского миссионера среди столичной языческой интеллигенции»⁶⁶. И «в это же время Ориген с необычайным рвением предавался аскетизму»⁶⁷, что также сильно отразилось на его богословии.

Его духовно-нравственное учение носит ноэтический (от греч. νοῦς — разум) характер»⁶⁸. А в утверждении Оригеном одновременно и единосущия Сына Отцу, и тварной природы Сына протоиерей Иоанн Мейендорф видит основную «слабость его учения о Троице и о сотворении мира», слабость, которая стала «источником многих других заблуждений как для самого Оригена, так и для его многочисленных последователей»⁶⁹.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переходя к рассмотрению специальных

трудов наших патрологов, посвященных отдельным сторонам творчества виднейших представителей Александрийской школы, необходимо обратить внимание на сочинения «великого церковного историка»⁷⁰ В. В. Болотова. И прежде всего — на его диссертацию «Учение Оригена о Святой Троице».

Это просто колоссальный труд почти в пятьсот страниц, в котором автор, прежде чем перейти к раскрытию непосредственно Оригенова учения о Святой Троице, предлагает нам исследование этого вопроса в эллинско-философской и христианской литературе до Оригена. В результате чего он заключает, что «с большой уверенностью можно говорить о влиянии философии на систему Оригена»⁷¹.

При этом «свои положения относительно догмата о Троице Ориген считает совершенно твердыми и несомненными»⁷². Сам же кропотливый историк утверждает, что «воззрение Оригена является весьма светлым и возвышенным»⁷³.

В целом, оценку богословской системы великого Александрийца мы встречаем у проф. В. В. Болотова в его «Лекциях по истории Древней Церкви», где он пишет: «В системе Оригена... мы имеем самый полный славный образец христианского гносиса на церковной почве, самое цельное выражение успехов христианского богословствования в первые века и первую систему христианского догматического богословия»⁷⁴.

Сама же диссертация проф. В. В. Болотова поражает своей капитальностью. Подробнейший, глубинный разбор поставленной темы в прекрасном систематическом изложении сопровождается богатейшим критическим материалом, цитацией первоисточников на языке оригинала.

В 1884 г. в Казани было издано сочинение В. Дмитриевского «Александрийская школа». В нем автор строит свои

исследования так, чтобы показать, что, хотя в древней Церкви и существовало «много подобных школ, но над всеми ними возвышается школа Александрийская, и по своей древности, и по своему значению в истории христианской церкви и науки. Значение этой школы для христианства признается всеми историками и писателями, почему-либо касавшимися этой школы»⁷⁵.

Эту значимость школы автор подтверждает своими исследованиями трудов всех представителей Александрийского богословского училища. В том числе он подробно останавливается на Клименте и Оригене.

О первом из них Дмитриевский заключает, что принятую на себя задачу «Климент выполнил блистательно»⁷⁶, и «оказал незабвенную услугу не только самой школе, но и всему христианству: план христианского образования и воспитания, начертанный им, — это новая христианская энциклопедия науки»⁷⁷.

Указывая на такие черты Оригена, как пылкость от природы, обладание «громкой энергией и гениальным спекулятивным умом»⁷⁸, историк Василий Дмитриевский так характеризует ученика Климента: «Как искренний христианин, глубоко понимавший христианское учение и видевший в нем единственное и вполне совершенное божественное и истинное учение, и верный последователь своего учителя Климента, Ориген в теории об отношении веры к знанию поставляет знание в подчинение вере; признает веру необходимой основой разума и знания»⁷⁹, он «со свойственной ему глубиной и остроумием, опровергает все возражения со стороны языческой философии и доказывает, что христианство есть единственно истинная, в высшей степени совершенная, божественная религия»⁸⁰.

При всей столь высокой и справедливой оценке Александрийцев, Дмитриевский указывает и на те ошибки и заблужде-

ния, о которых говорили и другие исследователи их наследия, рассмотренные выше.

На кафедре патрологии Петербургской Духовной Академии на рубеже двух последних столетий трудился Д. Митров, оставивший после себя подробное исследование нравственного учения Климента.

Первоначально это его сочинение под названием «Нравственный идеал по представлению Климента Александрийского» был прочитан в качестве реферата в Санкт-Петербургском Философском обществе 12 октября 1899 г. Годом позднее этот реферат был опубликован в журнале «Христианское чтение»⁸¹, и в том же 1900 году увидел свет отдельным изданием.

В этом кратком сочинении Д. Митров не рассматривает все нравственное учение Климента, а говорит, что, «по мнению Климента, в идеальном христианине находят свое полное и совершенное осуществление не только все предписания христианской морали, но и все то, чего чаяла от совершенного человека и мысль язычника»⁸², но при этом он «называет своего идеального человека не мудрецом, как философы, а гностиком»⁸³.

Надо сказать, что это небольшое по своему объему сочинение послужило ступенью к более основательному труду — «Нравственное учение Климента Александрийского», — который был защищен как диссертация в 1900 году и также издан отдельной книгой.

В своей речи перед защитой этой диссертации Д. Митров указывает на причину избрания данной темы для своего труда: «нравственное учение Климента Александрийского представляет собой своеобразное и во многих отношениях достойное любознательного внимания явление в истории церковно-христианской мысли»⁸⁴.

Свой труд автор разделяет на две основные части: «Система нравственного учения Климента» и «Система нравственного воспитания Климента», что продиктовано целью этого сочинения: «Так как нравственные воззрения Климента в трех главных его сочинениях высказываются им применительно к системе нравственного воспитания, то первой задачей нашего исследования будет—восстановить систему этики, лежащую в основе его педагогики, второй же—изложить эту последнюю»⁸⁵.

Насколько удачна эта работа, судила профессорская комиссия, присвоившая ученую степень ее автору. А о ценности этого сочинения может говорить тот факт, что все известные исследования, посвященные Клименту, как правило, не касаются его педагогики.

Еще один представитель СПбДА А.И.Сагарда («младший»), талант которого «в силу печально-известных исторических катаклизмов... не успел расцвести»⁸⁶, оставил нам свое исследование более узкой направленности: «Ипотипосы» Климента Александрийского», опубликованное в 1913 г. в «Христианском чтении» и изданное в том же году отдельной брошюрой.

Эта работа представляет собой извлечение из его магистерской диссертации. Уже с первых страниц мы видим обширный критический материал, помещенный в подстрочнике,—указание цитат в первоисточнике и ссылки на сочинения преимущественно иностранных исследователей. А на ряду в тексте цитируются источники на языке оригинала.

Этот труд должен был потребовать от автора максимальной затраты сил, терпения и таланта, т. к. «Ипотипосы» занимают первое место «среди произведений Климента..., не сохранившихся до нашего времени в целом своем составе и известных нам только по отдельным фрагментам»⁸⁷. Само же название не говорит ни о чем, т.к. означает краткий эскизный очерк о чем-либо»⁸⁸.

Чтобы сделать более точное заключение автор обращается к древним историкам Евсевию и Фотию и делает вывод, что «Ипотипосы» Климента представляет собой экзегетический труд, который обнимал книги Ветхого и Нового заветов⁸⁹. А кроме того, здесь «Климент излагает предание древних старцев относительно порядка Евангелий»⁹⁰, раскрывает другую, не менее ценную библейско-экзегетическую информацию. Судя по этой скромной части, можно предположить насколько колоссальным и основательным является полный магистерский труд Сагарды-младшего и его лекции по патрологии.

ПУБЛИКАЦИИ В ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Обзор журнальных публикаций, посвященных рассматриваемой теме, хочется начать с сочинения священника Г. Малеванского «Догматическая система Оригена». Труд довольно объемный, так что помещен в семи выпусках Трудов Киевской Духовной Академии за 1870 год и, надо признать, не менее основательный, хотя и уступает уже рассмотренным исследованиям, посвященным этой знаменитой личности. Сам о. Г. Малеванский начинает свою работу с характеристики дидакала: «В ряду учителей первенствующей церкви Ориген представляет собой личность бесспорно самую замечательную, слишком выдающуюся перед другими своей славой, своим огромным авторитетом у современников, широтой и разнообразием своей церковно-учительской и особенно церковно-литературной деятельностью»⁹¹. Однако после довольно подробного рассмотрения его наследия, которое автор оценивает очень высоко, он вдруг называет справедливым «поразить» его «доктрину анафемой, поращить... в самом ее корне, то есть в личности того, кто был для нее источником»⁹².

«Богословский вестник в 1909 году опубликовал сочинение А. Орлова «К характеристике христологии Оригена», кото-

рую автор оценивает следующим образом: «В истории церковно-богословской мысли христология Оригена представляет собой замечательное явление как первый и в высшей степени яркий опыт научной постановки и раскрытия христологической проблемы, — на почве популярной в век Оригена неоплатонической философии»⁹³. Показав, что является у Александрийского дидакалы исходным пунктом его христологических умозаключений и ход развития их в систему, автор делает более объективный вывод: «Если христологические умозрения Оригена, — плод его личного углубления в библейское откровение Слова Божия, — далеко не во всех пунктах оказались доброкачественными, в значительной части не вошли в плоть и кровь общецерковного веросознания, то эта же самая благородная свобода научно-богословской мысли Оригена дала ему возможность внести в церковно-догматический оборот и такие идеи, которые являются ценным вкладом в него, и даже, отчасти, коррективом к богословскому наследию ранних церковных писателей, — идеи, которые в несколько измененном виде перешли к позднейшим церковным авторитетам христологии, авторам общецерковной халкидонской формулы (Кирилл Александрийский)»⁹⁴.

Учителю Оригена посвятил свое исследование Мартынов, которое опубликовал в 43 и 45 частях «Прибавлений к изданию творений святых Отцев» за 1889 год. Эта работа созвучна с трудом Миртова, но уже в самом заглавии указано отличие: «Нравственное учение Климента Александрийского по сравнению со стоическим». Эта тема продиктована тем, что Климент, в совершенстве владел знаниями философии самых различных направлений и систем, которые сказались на его богословских взглядах. Мартынов констатирует, что «все исследователи нравственной философии Климента Александрийского единогласно признают в ней сильное отражение стоицизма. Стоический характер несут не только частные моральные правила и

предписания, но и общие принципиальные воззрения на высшее благо, на добродетель, ее сущность, проявления и условия ее достижения»⁹⁵. И при этом тот факт, что «Климент во многих, и притом существенных пунктах нравоведения совпадает со стоиками до буквального повторения их специальных терминов, — это не должно казаться странным или служить укором учителю»⁹⁶. П. Минин в июльском номере Богословского вестника за 1914 г. опубликовал статью «Главные направления древне-церковной мистики». Естественно, что для раскрытия поставленной темы нельзя обойти стороной Климента и Оригена, так как они «стоят у самых истоков идейного течения христианской мистики»⁹⁷. Однако, несмотря на всю свою духовную близость, они заметно разнятся в понимании ее основ. «Если Климент склонен был в деле обожения человека отводить первое место гносису, то Ориген начинает выдвигать другое начало внутренней жизни — христианскую любовь; если Климент конечную цель обожения видел в слиянии человеческого духа с Богом, как бескачественной Монадой, то Ориген вводит посредство Христа — Логоса и самое обожение понимает, как воображение Христа в душе человека»⁹⁸. Позднее мысли Оригена «наиболее яркое выражение нашли в IV веке, в мистике Египетского подвижника Макария Великого, и, позднее, в мистике замечательнейшего писателя второй половины X века и первой половины XI века Симеона Нового Богослова»⁹⁹.

«Богословский вестник» годом раньше опубликовал на своих страницах работу А. Спасского «Эллинизм и христианство», вторая часть которой носит название «Апология Оригена: ее достоинства и недостатки». Здесь, как уже видно из подзаголовка, Ориген рассматривается как опологет и получает следующую оценку: «Основная цель, поставленная им для своего полемического труда («Против Цельса» — А.Б.), на каждое возражение Цельса дает соответственное ему опровержение в полноте

или во всей цельности и совершенстве»¹⁰⁰.

Сразу можно упомянуть статью проф. А. Писарева, послужившую введением к переведенному им сочинению Оригена «Против Цельса» и оцененному им, как принадлежащее «к числу выдающихся и интереснейших произведений древне-христианской литературы третьего столетия»¹⁰¹. Кроме того, особая ценность этого труда состоит в том, что по нему мы имеем возможность «изучить... не только приемы положительной христианской апологетики III века, но охарактеризовать и саму борьбу язычества с христианством в области идей»¹⁰².

Сведения об Александрийской школе можно также извлечь из речи на годовом акте СПбДА, произнесенной А. Дьяковым 17 февраля 1913 года на тему: «Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв.», которая опубликована в журнале «Христианское чтение» за апрель 1913 года. Здесь рассматривается причина зарождения высшей богословской школы именно в Александрии, история ее становления. Констатируется факт, что «исторически несомненным выделением высшей богословской школы становится в начале III века, когда школа, после временного прекращения своей деятельности вследствие гонения Севера, вновь начала функционировать при Оригене»¹⁰³, который относился к своим слушателям с вниманием, что осматривая их, по свидетельству очевидца и ученика великого дидакалы святого Григория, «с искусством земледельца, замечал не только видимое всем и усматриваемое на поверхности, но вскапывал и исследовал внутреннее, спрашивая, предлагая задачи и выслушивая ответы...»¹⁰⁴. Автор утверждает великую положительную роль Александрийского училища в становлении и формировании христианского научного знания.

Проблема соотношения веры и знания волновала во все времена искателей Истины. Рассмотрению этого вопроса по-

святил свой труд К. Попов, опубликованный в «Трудах КДА» в 1887 году под названием: «Вера и ее отношение к христианскому знанию». Для раскрытия этой темы автор часто обращается к творениям опытных учителей Александрийской школы, которые первыми проложили мост между истинной верой и истинным знанием. «Ум человека, — приводит автор слова Климента, — есть то око нашей души, которое озаряется лучами божественного Слова»¹⁰⁵. А главный недостаток древней философии христианский философ видел в том, что «она не обладала верой, служащей основой истинного научного знания»¹⁰⁶.

Этой работе созвучно анонимное сочинение «Суждения святых Отцов и учителей II и III вв. об отношении греческого образования к христианству», опубликованное в третьей части Трудов КДА за 1860 год. И вполне естественно, что центральное место здесь уделено Александрийским учителям Клименту и Оригену, суждение которых по данному вопросу состоит в том, что «греческое образование и совместимо с христианством, и потребно христианину, и имеет большое значение в ходе его образования»¹⁰⁷.

Еще два анонимных сочинения посвящены наследию Оригена. Первое из них «О трудах Оригена в изъяснении новозаветных книг Священного Писания» вышло в свет на страницах «Прибавлений к изданию творений святых отцов» в 1861 году. Само название этой статьи говорит об узко специальной теме, раскрываемой ее автором. Множество цитат и ссылок на свидетельства древних историков говорит о серьезности этого труда. Так, в подтверждение особой плодovitости Оригена в области экзегетики, автор приводит свидетельство Евсевия о том, что «изъяснение Евангелия от Матфея начато Оригеном уже шестидесяти лет от роду»¹⁰⁸, и при этом им было написано 25 томов на

И наконец, последняя анонимная статья «Эсхатология Оригена» была напе-

чатана в 1916 года на страницах журнала «Вера и разум». Здесь автор утверждает, что Ориген, в силу того, что разделял всех верующих на две категории, то и написал «две эсхатологии: одну изотерическую для избранных, христиан духовных, а другую—экзотерическую для христиан плотских»¹⁰⁹. При этом аноним пишет, что «эзотерическая заключается в книгах Оригена—философа, христианина-гностика, эзотерическая же—в сочинениях Оригена, популярного проповедника, Оригена—учителя широких народных масс»¹¹⁰.

В заключение хотелось бы сказать о труде выдающегося богослова, по праву названного преемником и наследником «древнехристианских «дидакалов»¹¹¹, Владимира Николаевича Лосского. Третья глава его книги «Боговидение» посвящена alexandрийскому богословию и под названием «Александрия» впервые на Родине ее автора была опубликована в двадцать четвертом сборнике «Богословские труды» в 1983 году.

По словам самого автора, в этой статье (или главе) он ограничивается «беглым рассмотрением темы Боговидения у великих Александрийских учителей Климента и Оригена»¹¹². Но несмотря на обзорный характер статьи В. Лосский делает в ней очень основательные заключения. О Клименте он говорит, что как бы он «ни оговаривался, созерцание Бога и вечное спасение оказываются у него разделенными, хотя бы и мысленно, и гносис превознесен над спасением»¹¹³. Не менее строго он судит и ученика Климента: «Таким образом, мы удостоверились в том, что видение Бога в Его Сущности заключено у Оригена в рамки интеллектуалистического учения, где видение означает знание (гносис), а знание в конечном счете равносильно созерцанию умопостижимых реальностей»¹¹⁴. И уже в другом месте автор этой статьи сопоставляет учителя и ученика, ставшего выше своего учителя: «Говоря об Оригене, мы увидели насколько его идеал созерцательной жизни был более

точен, более конкретен, более основан на жизненном опыте, чем идеал Климента Александрийского»¹¹⁵.

Все известные нам и рассмотренные здесь работы красноречиво свидетельствуют о том, что интерес к наследию наших древних учителей проявляли не только специалисты-патрологи, но и историки, философы, богословы. А объемом проделанной ими работы, по мнению А.И.Сидорова, показывает, что неслучайно «патрология в России... не только достигла уровня патрологической науки Запада, но и стала органичной и неотъемлемой частью всей православной культуры; она не превратилась в предмет интереса для узкого круга специалистов (как это нередко бывает на Западе), а всегда пребывала в живом единстве со всем организмом Тела Христова»¹¹⁶. Что же касается рассмотренных работ, посвященные великим Александрийцам, то, думается, из них логично вытекает вывод о том, что Климента и Оригена можно назвать не только нашими учителями, но и отцами на основании слов самого Климента: «Слова суть порождения души. Поэтому мы называем тех, кто наставляет нас, отцами»¹¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комаров К. Отчет профессорского стипендиата по кафедре Патрологии. Загорск, 1957.—С. П.

² Сидоров А.И. Курс patroлогии. М., 1996. С.42.

³ Филарет, архиеп. Историческое учение об отцах Церкви. СПб., 1882. Т. 1. С. XV.

⁴ Скурат К.Е., проф. Патрологические труды проф. МДА И.В. Попова. // Богословские труды. Сб. 30.—М., 1990. С. 83-84.

⁵ Цит. по: Сидоров А.И. Указ. соч. С. 18-19.

⁶ Попов К.Д. Критико-библиографическая заметка. // Труды Киевской Духовной Академии. — 1883, январь. С. 163.

⁷ См.: Филарет, архиеп. Указ соч.—

С.170.

⁸ Филарет, архиеп. Указ соч. — С.176.

⁹ Там же. С.50.

¹⁰ Там же. С. 178.

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Комаров К., профессорский стипендиат. Отчет по кафедре Патрологии. Загорск, 1956-1957. С. 128.

¹³ Филарет, архиеп. Указ. соч. С. 205 (примечание 127).

¹⁴ Там же. С. 205.

¹⁵ Там же. С. 185-186.

¹⁶ Там же. С. 186.

¹⁷ Там же. С. 190.

¹⁸ Там же. С. 192-193.

¹⁹ Там же. С. 194-195.

²⁰ Там же. С. 197.

²¹ Знаменский П. Руководство по Истории Русской Православной Церкви.—СПб., 1904. С. 427.

²² Комаров К. Указ. соч. С. 1.

²³ Скворцов К. Философия Климента Александрийского. // Труды КДА, 1866, сентябрь. С. 52-93.

²⁴ Там же. С. 201.

²⁵ Там же. С. 203.

²⁶ Там же. С. 222.

²⁷ Там же. С. 241.

²⁸ Там же. С. 245.

²⁹ Там же. С. 251.

³⁰ Там же. С. 317.

³¹ Сагарда Н.И. Цит. по: Сидоров А.И. Указ. соч. С. 36.

³² Григорий, архим. О конспектах патристики. // Душеполезное чтение.—М., 1879. Ч. 1. С. 501.

³³ Там же. С. 501.

³⁴ Там же. С. 503.

³⁵ Попов И., проф. Конспект лекций по Патрологии. — Б. м. и г.

³⁶ Там же. С. 120.

³⁷ Там же. С. 120.

³⁸ Там же. С. 121.

³⁹ Там же. С. 121.

⁴⁰ Там же. С. 121.

⁴¹ Там же. С. 124.

⁴² Комаров К. Указ. соч. С. 140.

⁴³ Орлов Михаил, свящ. Стипендиатский отчет. — Загорск, 1995. С. 71.

⁴⁴ Сидоров А.И. Указ. соч. С. 38.

⁴⁵ Сидоров А.И. Указ. соч. С. 41.

⁴⁶ Епифанович С.А. Курс по патроло-

гии.—1915. Рукопись. С. 426.

⁴⁷ Епифанович С.А. Патрология. Под ред. Муравьева Н.И. — Загорск, 1952.

⁴⁸ Там же. С. 3.

⁴⁹ Там же. С. 11.

⁵⁰ Епифанович С.А. Курс по патрологии.—1915. Рукопись. С. 426.

⁵¹ Епифанович С.А. Патрология. Под ред. Муравьева Н.И. — Загорск, 1952. С. 10.

⁵² Епифанович С.А. Курс по патрологии.—1915. Рукопись. С. 434.

⁵³ Там же. С. 427.

⁵⁴ Епифанович С.А. Патрология. Под ред. Муравьева Н.И.—Загорск, 1952. С. 86.

⁵⁵ Вениамин (Яковенко). Филарет, архиепископ Черниговский, как патролог и богослов. Загорск, 1965—1966. С. 69.

⁵⁶ Орлов М., свящ. Указ. соч.—С. 71.

⁵⁷ Сидоров А.И. Указ. соч.—С. 39.

⁵⁸ Карсавин А.П. Святые отцы и учителя Церкви.—М., 1994, с. 11.

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ Там же. С. 62.

⁶¹ Там же. С. 76.

⁶² Мейндорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие.—Вильнюс-Москва, 1992, с.3.

⁶³ Там же. С. 85.

⁶⁴ Там же. С. 87.

⁶⁵ Там же. С. 89.

⁶⁶ Там же. С. 89-90.

⁶⁷ Там же. С. 90.

⁶⁸ Там же. С. 103-104.

⁶⁹ Там же. С. 106.

⁷⁰ Сидоров А.И. Указ. соч.—С. 39.

⁷¹ Болотов В.В. Учение Оригена о Святой Троице.—СПб., 1879, с. 140.

⁷² Там же. С. 141.

⁷³ Там же. С. 409.

⁷⁴ Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви.—М., 1994. Т. 2, с. 347.

⁷⁵ Дмитриевский В. Александрийская школа.—Казань, 1884, с. 5.

⁷⁶ Там же, с. 39.

⁷⁷ Там же, с. 76.

⁷⁸ Там же, 1884, с. 78.

⁷⁹ Там же, 1884, с. 81.

⁸⁰ Там же, с. 100.

⁸¹ Миртов Д. Нравственный идеал по представлению Климента Александрий-

ского. // Христианское чтение. 1900. Т. ССІХ, ч. 2.

⁸² Там же. С. 7.

⁸³ Там же. С. 17.

⁸⁴ Миртов Д. Речь перед защитой диссертации. // Христианское чтение. 1900. Т. ССХ, ч. 1. С. 130.

⁸⁵ Миртов Д. Нравственное учение Климента Александрийского.—СПб., 1900. С. ХІІ.

⁸⁶ Сидоров А.И. Курс патрологии. М., 1996.—С.42.

⁸⁷ Сагарда А.И. «Ипотипосы» Климента Александрийского.—СПб., 1913. С. 1.

⁸⁸ Там же. С. 2.

⁸⁹ Там же. С. 2.

⁹⁰ Там же. С. 6.

⁹¹ Малеванский Г., свящ. Догматическая система Оригена. // Труды Киевской Духовной Академии, 1870. №1. С. 76.

⁹² Там же. 82.

⁹³ Орлов А. К характеристике христологии Оригена. // Богословский вестник. 1909. Т.2 С. 370.

⁹⁴ Там же. С. 370-371.

⁹⁵ Мартынов А. Нравственное учение Климента Александрийского по сравнению со стоическим. // Прибавления к изданию творений святых отцов.—1890. Ч. 43. С. 93.

⁹⁶ Там же. С. 142.

⁹⁷ Минин П. Главные направления древне-церковной мистики. // Богословский вестник. 1914. Т.2. С. 306.

⁹⁸ Там же. С. 306-307.

⁹⁹ Там же. С. 311-312.

¹⁰⁰ Спасский А. Эллинизм и христианство. // Богословский вестник. 1913. Т. 2. С. 655.

¹⁰¹ Ориген. Против Цельса. — Казань, 1912. С. 1.

¹⁰² Там же. С. 8.

¹⁰³ Дьяков А. Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. // Христианское чтение. 1913, апрель. С. 500.

¹⁰⁴ Там же. С. 512-513.

¹⁰⁵ Попов К. Вера и её отношение к христианскому знанию. //Труды КДА. 1887. Ч. 3. С. 587.

¹⁰⁶ Там же. С. 590.

¹⁰⁷ Суждения св. Отцов и учителей II и

III вв. об отношении греческого образования к христианству. // Труды КДА, 1860. Т. 3. С. 75.

¹⁰⁸ О трудах Оригена. // Прибавления к изданию творений св. Отцов. 1861. Ч. XX. С. 106.

¹⁰⁹ А.С. Эсхатология Оригена. // Вера и разум. 1916, №3. С. 215.

¹¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹¹ Сидоров А.И. Указ. соч. С. 43.

¹¹² Лосский В.Н. Александрия. // Богословские труды. М., 1983. Сб. 24. С. 215.

¹¹³ Там же. С. 219.

¹¹⁴ Лосский В.Н. Александрия. // Богословские труды. М., 1983. Сб. 24. С. 224.

¹¹⁵ Лосский В.Н. Боговидение. М., 1995. С. 71.

¹¹⁶ Сидоров А.И. Курс патрологии. М., 1996.—С.42-43.

¹¹⁷ Цит. по: Сидоров А.И. Курс патрологии. М., 1996.—С. 12.